

УДК 314.332

НИЗКАЯ РОЖДАЕМОСТЬ: ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ К ОБЪЯСНЕНИЮ

© 2014 г. Р. Т. Фахрисламова

*Институт демографии Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», г. Москва*

В работе представлены ключевые положения современных концепций, объясняющих трансформационные процессы в рождаемости. Наряду с краткой характеристикой основных положений теорий, мы попытались представить их в определенном хронологическом порядке. Нельзя сказать, что существуют совершенно противоположные концепции, скорее каждая из них обращает внимание на определенный аспект изменения рождаемости, либо пытается представить изменения в рамках общих трансформационных процессов в обществе. Знание основных положений концепций обогащает наши представления о процессе рождаемости, ее изучение оказывается неразрывно связанным со многими другими демографическими, социально-экономическими, психологическими процессами.

Ключевые слова: *рождаемость; потребность; дети; брачность; теории низкой рождаемости; модернизация рождаемости.*

Author presents the key points of modern theories and concepts that explain the processes of the fertility level's transformations. In the same time with a brief description of the main provisions of some of the concepts we have tried to present them in a certain chronological order. You can not say that there are absolutely opposite concepts, but rather each of them pays attention to any aspect of fertility changing or tries to present changes in the general transformation processes in the society. Knowledge of the basic concepts enriches our understanding of the process of fertility. We see that studying of the fertility is intimately linked with many other demographic social and economic and psychological processes.

Key words: *fertility; children; modernization fertility; marriage; parenthood; theories of low fertility; childlessness.*

Эволюция рождаемости тесно связана с социально-экономическим развитием общества. Первоначально развитие теорий детерминации рождаемости строилось по простой схеме «фактор — явление», предполагающей поиск факторов, прежде всего экономических, влияющих на динамику рождаемости, позднее — на исследованиях эволюции репродуктивного поведения в общем контексте изменения образа жизни общества в процессе его модернизации [9, с. 129]. К теориям первого типа («фактор — явление») относится, например, экономический подход, основоположником которого счи-

тается Т. Мальтус. В более позднее время в рамках этого экономического подхода работали Х. Бешлоу, Х. Лейбенштейн, Р. Нельсон, Э. Коул и ряд других авторов. В основе этого вида экономических теорий лежит предпосылка поиска причинно-следственных связей между рождаемостью и различными экономическими факторами. Неоклассические экономические теории рождаемости в разное время разрабатывались такими учеными, как Г. Беккер, Т. Шульц, Р. Истерлин и другими, в рамках так называемого «экономического империализма» (стремления распространить применение экономического объяс-

нительного аппарата и экономические методы исследования на любые неэкономические сферы социальной жизни).

Гэри Беккер является основоположником трактовки различных явлений социальной жизни средствами современной экономической науки. В своей работе «Трактат о семье» Гэри Беккер рассматривает почти все аспекты жизни семьи с точки зрения экономической науки [15, с. 65]. Основной постулат Г. Беккера в области репродуктивного поведения касается выбора между количеством детей и их «качеством». В современном обществе в ходе индустриализации и мирового экономического роста, «качество детей» связано с состоянием их здоровья, уровнем образования, и, в конечном счете, шансами на занятие ими как можно более высокой социальной позиции в будущем (то есть с их «человеческим капиталом»). Экономический прогресс стимулирует рост затрат на воспитание, социализацию детей. Поэтому, как на уровне общества в целом, так и на уровне отдельной семьи, партнерского союза, домохозяйства происходит альтернативный выбор между либо количеством, либо качеством детей [10, с. 81].

В рамках теории человеческого капитала закономерности рождаемости исследовали также Дж. Минсер и Т. Шульц. Интересна трактовка ценностной составляющей детей Теодора Шульца. Центральная идея его исследований заключалась в том, что репродуктивное поведение родителей в значительной мере отражает их внутренние предпочтения. Жертвы, приносимые родителями при рождении детей, и те инвестиции, которые они вкладывают в их здоровье и образование, по мнению Шульца [8, с. 38], являются, прежде всего, результатом сознательного семейного решения. Он пишет о том, что предпочтения людей относительно количества и качества детей ограничены родительскими ресурсами и альтернативными экономическими возможностями их использования. Под родительскими ресурсами Шульц подразумевает возможность жертв, которые родители готовы нести во имя получения от своих детей удовлетворения и производительных услуг в будущем.

Шульц проводит аналогию между домашними растениями и детьми, и говорит,

что в богатых странах конечная цель инвестирования родителей в детей — «ради любования и получения от них плода» [8, с. 46]. То есть с точки зрения полезности, в богатых странах дети удовлетворяют чисто психологические потребности. А в бедных странах вознаграждение за инвестиции и издержки со стороны родителей выступает в большей мере в виде выполняемой детьми полезной работы. И поэтому Теодор Шульц утверждает, в подлинном смысле слова, дети — это капитал бедных людей [8, с. 41].

Обратимся теперь к теориям «второго типа», которые подразумевают комплексное изучение репродуктивного поведения. Сама по себе постановка вопроса о репродуктивном поведении и его структуре является исторически недавним делом. «Практически до 70-х гг. изучение рождаемости в рамках демографии обходилось без всякого упоминания или использования понятия «поведение», то есть без применения методов социологии и социальной психологии. Лишь в середине 50-х гг. начался отход от этого «постулата непосредственности» и введение в анализ так называемых «промежуточных переменных», или «непосредственных детерминант» рождаемости, опосредующих действие на нее социально-экономических, или базисных факторов» [1, с. 206].

В конце 1970-х гг. Д. Бонгартц усовершенствовал концепцию промежуточных переменных (детерминант), идею которой впервые выдвинули в 1956 году К. Дэвис и Дж. Блейк. Основная идея концепции заключается в том, что влияние социальных, экономических, культурных факторов, так называемых косвенных переменных, опосредуется набором переменных, непосредственно влияющих на уровень рождаемости. Эти переменные называют промежуточными.

Наиболее важными из промежуточных переменных Д. Бонгартц считал [11, с. 106]: брачность, искусственный аборт, контрацепцию, продолжительность грудного вскармливания (лактации). Соответственно, анализ рождаемости строился на изучении влияния социально-экономических факторов на промежуточные переменные, и только потом — на уровень рождаемости как таковой.

Исследованием рождаемости в контексте изменения функций семьи, межпоколен-

ных трансфертов занимались такие ученые, как Дж. Колдуэлл, Н. Райдер. С точки зрения Дж. Колдуэлла [5], репродуктивное поведение, как в архаичных, так и в современных обществах является экономически рациональным в контексте исторически определенных социально-экономических целей в границах, определяемых биологическими и психологическими факторами.

Он выделяет два типа обществ: первому соответствует стабильно высокая рождаемость, здесь отсутствует чистая выгода для семьи (или господствующего индивида в ней) от перехода к низкой рождаемости; и второй тип, при господстве которого экономическая рациональность уже диктует нулевой прирост населения. Дж. Колдуэлл утверждает, что, при первом типе общественной организации потоки благ шли от молодого поколения к старшему, а во втором — в противоположном направлении [9, с. 137]. Эти потоки определяются им как все экономические преимущества, настоящие и будущие.

Дж. Колдуэлл утверждает, что наряду с модернизацией, традиционный способ воспроизводства подвержен влиянию «вестернизации», под которой автор подразумевает приобщение к западному образу жизни со всеми его атрибутами: образованием, женской эмансипацией, средствами массовой информации, ценностями и стереотипами поведения [9, с. 137].

Но здесь следует упомянуть о позиции Рональда Инглхарт, относительно так называемой «вестернизации». Согласно этой точке зрения, несмотря на большую распространенность определенных ценностей в западных странах, чем в других, сами по себе эти ценности не имеют чисто «западного» характера. И еще несколько десятков лет назад они были столь же чужды западному обществу, как сегодня — незападным странам [4, с. 395]. «Акцент на гендерном равенстве, а также толерантности по отношению к геям и другим маргинальным группам, возник в постиндустриальных странах мира в результате межпоколенческого процесса изменения ценностей — и старшие возрастные когорты в этих странах по своим представлениям напоминают сверстников из менее развитых государств» [4, с. 395].

Р. Инглхарт является автором теории постмодернизации, согласно которой с возникновением постиндустриального общества переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным замедляется и даже останавливается, зато набирает силу другой процесс — переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, в рамках которых люди все больше делают акцент на свободе выбора, личной независимости и творческой самореализации [4, с. 390].

Социолог и политический философ Ульрих Бек, будучи автором концепций «рефлексивной модернизации» и «общества риска», в своих теоретических положениях уделяет большое внимание вопросам отношения полов, неравенства, останавливает свое внимание на трансформационных процессах современного общества, где изменения происходят буквально во всех сферах жизни человека.

Его центральная теоретическая идея заключается в том, что модернизация в 19 веке, приведшая к распаду закосневшее в сословных устоях аграрное общество, сейчас размывает контуры индустриального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации [7, с. 11].

Ульрих Бек выделяет 5 основных изменений [7, с. 193], которые за последние десятилетия сделали женщин несколько свободнее от традиционно женского ролевого назначения. Это демографическое высвобождение, деквалификация домашнего труда, предупреждение беременности, развод, участие в образовании и профессиональной деятельности.

Дети для женщины, по его мнению, являются «желаемыми «препятствиями» в профессиональной конкурентной борьбе и соблазном для принятия осознанного решения против экономической самостоятельности и карьеры. Это связано с различиями в отношении предпочитаемого времени родительства в обстоятельствах мужской и женской жизни, притом, что рождение детей у мужчин и женщин сопряжено с совершенно разными предпосылками и препятствиями.

Одна из основных идей Ульриха Бека сводится к тому, что брак и семья в настоящее время держатся не столько на экономическом фундаменте и на любви, сколько на страхе

перед одиночеством. И в этом отношении, ребенок — последнее средство против одиночества, которое позволяет людям хоть как-то возместить ускользающие возможности все менее надежной любви между взрослыми [7, с. 11]. Говоря о значимости ребенка, У. Бек заявляет о заблуждении тех, кто полагает, что (экономические) затраты способны удерживать людей от деторождения, такие люди скорее привержены упрощенному утилитарному мышлению и недооценивает эмоциональную составляющую. Для Ульриха Бека, семья — лишь поверхность, на которой зримо проступают исторические конфликты между мужчинами и женщинами. Только продуманно изменяя совокупную институциональную систему развитого индустриального общества с учетом жизненных предпосылок семьи и партнерства, можно шаг за шагом добиться качественно нового равноправия за пределами традиционных мужской и женской роли [7, с. 201].

Теорию гендерного равенства в применении к рождаемости разработал австралийский демограф Питер Макдональд [17, с. 13]. Основываясь на ряде эмпирических работ и теоретических концепций, он утверждает, что очень низкий уровень рождаемости в развитых странах может быть объяснен с точки зрения несоответствия между уровнями гендерного равенства, применяемыми в различных социальных институтах [17, с. 13].

Макдональд утверждает, что несоответствие реальных репродуктивных установок с идеальными, при сохранении очень низкой рождаемости в течение длительного периода времени, может привести к тому, что люди уже меньше хотят заводить детей или вообще предпочитают бездетность. Данная точка зрения в значительной степени пересекается с гипотезой Лутца о «ловушке низкой рождаемости», согласно которой, вырастая в окружении малодетных семей и вообще бездетных людей, новые поколения и сами в дальнейшем принимают решение о том, чтобы иметь мало детей или не иметь их совсем.

Питер Макдональд связывает низкий уровень рождаемости с двумя волнами социальных изменений, и в своей статье подробно описывает каждую из этих волн и анализирует их совокупное влияние на рождаемость [6]. Первая серьезная волна социальных из-

менений, как пишет Макдональд, началась в 1960-х годах и набрала силу в 1970-х. В это время наблюдался быстрый рост социального либерализма, в условиях жесткого общественного строя, при котором и в 1950–1960-е годы, и за десятки лет до этого господствовала модель семьи, где основным кормильцем был мужчина. Эту же первую волну социальных изменений описывают с точки зрения разных подходов и Инглхарт (переориентация ценностей молодых людей с материализма на постматериализм), и Ван де Каа и Лестег (см. ниже о втором демографическом переходе), и описанный выше Ульрих Бек, и родственные ему по взглядам Гидденс и Лэш (переоценка ценностей и связанные с этим институциональные и законодательные изменения в рамках теории «рефлексивной модернизации»).

Наиболее важными чертами рефлексивной модернизации можно считать реализацию требований женщин, касающихся оплачиваемого трудоустройства; расширение возможностей контролирования своей фертильности, связанное с контрацептивной революцией, и более свободный доступ к абортam; а также поощрение молодых женщин к расширению перспектив своего трудоустройства путем получения более высокого уровня образования [6]. Макдональд утверждает, что преимуществом рефлексивной модернизации можно считать то, что она предоставила людям возможность создания «чистых взаимоотношений», которые строятся не на ограничениях, установленных обществом, а на основании добровольной близости.

Вторая волна началась в 1980-е и набрала силу в 1990-е годы — это был быстрый и резкий переход к дерегулированию экономики, и в том числе к дерегулированию рынка труда, которое именуют также «новым капитализмом». Основными характеристиками этой новой экономической системы являются ослабление вмешательства государства в экономику, а также сокращение объема социального обеспечения, финансируемого государством [6]. Эта волна изменений привела к тому, что теперь человек может выбирать между множеством альтернатив. В сфере трудовой деятельности открылись невероятные возможности: если раньше работнику приходилось всю жизнь работать на одном месте

и полностью зависеть от фиксированной платы, теперь он может продавать свои профессиональные знания и умения тому работодателю, который предложит ему наилучшую цену [6]. При этом это может быть новый работодатель каждый день. Соответственно, у людей есть мотивы и стимулы для наращивания своего человеческого капитала. В связи с этим, пишет Макдональд, молодым людям приходится отказываться, или откладывать реализацию более альтруистических планов — таких, например, как создание семьи [6].

Так же, как и Ульрих Бек, Макдональд полагает что в результате рефлексивной модернизации женщины столкнулись с противоречием между возможностями и рисками, связанными с созданием семьи и оплачиваемой работой. При этом ответственность за свои поступки, и связанные с этим риски в большей мере, чем раньше, перешла на отдельного индивидуума.

Питер Макдональд уверен что, несмотря на все социальные и экономические изменения, семья продолжает занимать центральное место в жизни большинства людей, даже в странах с наиболее либеральным обществом; ценности, связанные с семейной жизнью, не были сметены растущими волнами рефлексивного материализма и нового капитализма [6]. Причина живучести и эластичности семейных ценностей по Макдональду в том, что люди, будучи социальными существами, испытывают острую потребность в близких отношениях. Путем создания близких или семейных отношений, большинство людей избегает одиночества и изоляции. Кроме того, Макдональд утверждает, что для большинства людей очень большую ценность представляет эмоциональное удовольствие, связанное с воспитанием детей. Питер Макдональд утверждает, что решение о том, создавать или не создавать семью, связано не столько с существующим экономическим положением, сколько со степенью уверенности потенциальных родителей в том, что у них есть достаточные возможности для создания семьи, не подвергая себя при этом финансовому риску или риску не суметь реализовать свои личные устремления [6].

Вольфганг Лутц, австрийский демограф, создатель гипотезы «ловушки низкой рождаемости», вместе со своими соавторами

(Вегад Скирбек, Мария Рита Теста), описывают вероятностные самоусиливающиеся механизмы, которые, если их не остановить, приведут к дальнейшему снижению рождаемости в странах, где она уже довольно низка. Понятие «a low-fertility trap hypothesis» (LFTH) было введено Лутцом и Скирбеком. Гипотеза содержит три компонента: демографический, социологический, экономический [16, с. 168].

Демографический — основывается на отрицательном темпе роста населения, на том факте, что уменьшающееся число потенциальных матерей в будущем приведет к уменьшению числа рождений. Социологический — основывается на предположении, что идеальный размер семьи для молодых когорт снижается, вследствие более низкой фактической рождаемости, которая наблюдалась в предыдущих когортах. Экономический — исходит из того, что существующий разрыв между личным стремлением к потреблению и ожидаемым доходом приведет к уменьшению числа детей [16, с. 170]. Три описанных компонента являются независимыми элементами, но могут и усиливать друг друга, и самостоятельно влиять на рождаемость.

Кроме того, авторы считают, что на уровень рождаемости влияют нормы относительно идеального размера семьи, которые также подвержены изменениям. В связи с процессами социального научения, нормы и идеалы в отношении размера семьи для молодого поколения зависят от того, что окружает людей в детстве. Это рассматривается как ключевой фактор формирования личного идеального размера семьи. С другой стороны, сокращение числа рождений формирует возрастную структуру населения таким образом, что происходит более быстрое старение населения. Это влечет за собой серьезные изменения в системе социального обеспечения, бремя которых будут нести нынешние молодые когорты.

Волфганг Лутц перечисляет стандартные компоненты репродуктивных предпочтений: социальный идеал, личный идеал, желаемый размер семьи, ожидаемый размер семьи [16, с. 173]. Авторы при этом подчеркивают нестабильность репродуктивных установок, которые меняются с течением времени, и в основном в сторону уменьшения размеров

семьи. Связывают они это с тем, что в современных обществах пары имеют множество конкурирующих предпочтений, и по причине невозможности и сложности удовлетворения всех своих желаний одновременно (некоторые из них могут даже взаимно исключать друг друга), они обычно имеют меньше детей, чем предполагают их идеальные установки. Ловушка низкой рождаемости заключается в том, что, чем ниже будет уровень рождаемости в ближайшей перспективе, тем сильнее окажется сила негативной динамики в долгосрочной перспективе [16, с. 173].

Начиная с работ таких исследователей, как Уоррен Томпсон (1929), Адольф Ландри (1933), Кинсли Дэвис (1945), Франк Нотстейн (1953), наиболее влиятельной в демографии постепенно стала теория демографического перехода, создание которой признано выдающимся достижением в области социальных наук [12, с. 116]. Основным тезис данной теории о том, что модернизация и сокращение смертности с некоторым временным лагом приводит к сокращению рождаемости, стал рабочей аксиомой многих эмпирических работ в этой области. В упрощенном варианте, согласно этой теории, все страны в своем развитии проходят три (иногда выделяют четыре или пять) фазы, каждая из которых соответствует определенной стадии развития общества и определяет соответствующий тип воспроизводства населения (Ф. У. Нотстейн, А. Г. Вишневский, П. Калатбари и др.) [9, с. 139].

В рамках этой теории идет речь о модернизации процессов рождаемости. Р. Лестег, Д. Ван де Каа и др. писали об этом как о социально-демографическом процессе в большинстве развитых стран. Рон Лестег, один из авторов теории второго демографического перехода, утверждает, что этот последний начался с многогранной революции, и все ее аспекты повлияли на рождаемость [14, с. 216]. Контрацептивная революция, связанная с изобретением противозачаточных таблеток и усовершенствованием ВМС (внутриматочная спираль) позволила откладывать первые рождения, а также увеличить интервалы между рождениями. Сексуальная революция ознаменовала собой либерализацию сексуальности для широких масс населения в противовес доминировавшему до этого уз-

кому пониманию секса, который ограничивался брачными узами, и существовал в основном только для продолжения рода. В связи с этим, снизился возраст сексуального дебюта. Гендерная революция, в свою очередь, провозгласила, что женщины уже не подчиняются мужчинам и мужьям, и имеют право самостоятельно регулировать свое репродуктивное поведение.

Как пишет Рон Лестег, все эти три революции вписываются в общее русло изменений, связанных с отказом от власти, до этого предписываемой большому числу социальных позиций, и перестройкой всей нормативной системы. «Родители, педагоги, церкви, армии и большая часть всего государственного аппарата оказались на скамье подсудимых». Вся эта идейная переориентация, если не революция, произошла на пике лет экономического роста в развитых странах в форме всех аспектов второго демографического перехода. Все индикаторы второго демографического перехода несут на себе отпечаток автономии и индивидуализации. В них проявляется то многообразие жизненных сценариев, которые выбирают себе люди в определенный момент своей жизни. Именно динамичность, многообразие, индивидуализация являются главными свойствами современного матримонильного, сексуального, репродуктивного поведения людей.

В России такие исследователи, как В. А. Борисов, А. И. Антонов, главную причину уменьшения рождаемости связывают с постепенным изменением, а затем и отрицанием экономической составляющей потребности в детях или экономической мотивации деторождения [9, с. 139]. Исследователи придают большое значение изучению структуры репродуктивного поведения, вне зависимости от его конкретно исторических типов и особенностей [1, с. 204]. С точки зрения А. И. Антонова, потребность в детях не меняется под влиянием текущих условий жизни и их изменений. Меняются лишь семейные ситуации, которые либо способствуют, либо препятствуют удовлетворению потребности в детях. Величина потребности в детях неизменна на протяжении жизни человека. Именно потребность в детях, взаимодействуя в диспозиционной системе с условиями жизни, формирует конкретные ли-

нии репродуктивного поведения. С позиций А. И. Антонова, важно учитывать поведение семьи при изучении детерминации рождаемости. Он пишет, что фиксация лишь внешних фактов поведения недостаточна, надо учитывать и внутренние факты, социально-психологические структуры — ценностные ориентации личности, ее установки, мотивы и потребности [1, с. 210]. И репродуктивное поведение выражается не только в каких-то внешних поступках, репродуктивных событиях, но и в изменениях этих внутренних структур, убеждений, установок и мотивов.

Такие исследователи, как А. Г. Вишневский, С. В. Захаров охарактеризовали особенности прохождения демографического перехода в России. С. В. Захаров в своей статье «Рождаемость в России: первый и второй демографический переход» пишет, что под историческим процессом модернизации рождаемости понимается не только процесс перехода от одной количественной модели рождаемости к другой, но и трансформация исторически конкретной системы социокультурных регуляторов рождаемости, действующих в обществе [3]. Так, к качественным критериям модернизационных изменений относят: разделенность трех видов поведения — сексуального, матримониального и репродуктивного — и эффективность индивидуального контроля над плодovitостью, позволяющую иметь желанного ребенка в желательные сроки [3].

Второй демографический переход — это новейший этап демографической модернизации, в который даже продвинутые западные общества вступили сравнительно недавно — в последней трети XX века [2, с. 139]. Согласно А. Г. Вишневскому, первые признаки кардинальных изменений в модели брака и рождаемости обнаруживаются во второй половине 1960-х годов в США, Канаде, Скандинавских странах: Дании, Швеции, Финляндии. Десятилетием позже к странам-лидерам присоединяются практически вся Западная Европа, Австралия, Новая Зеландия, Япония, а также Венгрия и некоторые государства, тогда входившие в состав Чехословакии и Югославии.

В 1980-х годах процесс захватывает Испанию, Грецию, Португалию, бывшую ГДР, Польшу, Болгарию, Словакию. Россия вме-

сте со своими соседями — странами Балтии, Украиной, Белоруссией, Молдавией и государствами Закавказья — начинает ощущать перемены лишь в первой половине 1990-х годов [2, с. 139]. Особенность прохождения второго демографического перехода в России, по мнению исследователей, так же, как и в некоторых странах Центральной и Южной Европы, состоит в том, что он был затруднен препятствиями идеологического и/или религиозного характера, а также осложнялся резкими экономическими переменами [3].

«Главное содержание второго демографического перехода состоит в переходе от практики ограничения размеров потомства к оптимизации всего временного пространства демографических событий и жизненного цикла в целом в ответ на вхождение общества в постиндустриальную фазу развития» [3].

А. Г. Вишневский отмечает, что признаком второго демографического перехода служит не столько снижение рождаемости как таковой, сколько откладывание родительства на более поздний возраст, то есть изменение возрастной модели рождаемости в сторону «постарения» [2, с. 239]. Но замена прежней возрастной модели формирования семьи на принципиально иную не может произойти мгновенно. Через пробы и ошибки на индивидуальном уровне, набирая положительный и отрицательный опыт от новой стратегии планирования семьи, новые нормы и поведенческие стратегии осмысливаются и распространяются в широких социальных слоях и передаются подрастающим поколениям лишь постепенно.

Постулаты А. Г. Вишневского относительно демографического поведения современных людей, которые все меньше оглядываются на традиционные представления и нормативные ограничения, и в большей мере действуют, сообразуясь со своими индивидуальными склонностями и возможностями, согласовывая их с конкретными обстоятельствами своей личной жизни и экономической ситуацией в стране, вписываются в основные положения теории постмодернизации Инглхарта.

С точки зрения А. Г. Вишневского, несмотря на то, что разные страны подошли к началу второго демографического перехода

с различным багажом историко-культурных особенностей и традиций, определяющих социально принятые возрастные рамки завершения образования, выделения из родительской семьи, вступления в брак и других событий, ассоциирующихся с началом взрослой жизни, можно выделить одну общую тенденцию, которая объединяет Европу, да и все другие развитые страны [2, с. 249]. Теперь начало семейной жизни отодвигается к более позднему возрасту и одновременно увеличивается период времени между завершением образования, началом трудовой деятельности, с одной стороны, и рождением первого ребенка, с другой.

«Стержень всех этих изменений — поиск оптимальной модели жизненного цикла человека, отвечающей реалиям современного бытия, среди которых — высокие требования к образованию и уровню материального благосостояния, взаимное участие супругов в формировании семейных доходов и выполнении семейных обязанностей, растущая социальная и материальная самостоятельность детей и пожилых, повышение контроля над плодovitостью человека, и пр.» [2, с. 41].

В данной статье мы изложили основные положения основных концепций, связанных с изучением процессов рождаемости. Каждый представленный подход, в той или иной мере, касается модернизации брачности и рождаемости. Основные выводы сводятся к тому, что изменение процессов рождаемости и брачности нельзя рассматривать без учета социально-экономических и исторических условий развития региона, страны. Трансформационные процессы не происходят мгновенно, смена старших поколений молодыми, с новыми, прогрессивными взглядами, способствует этому. При этом каждой эпохе и каждому региону свойственны свои социокультурные нормы и ценности, которые транслируются через определенные социальные институты. Смена старых институтов приводит и к частичной утрате старых и установлению новых норм в обществе.

Литература

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. — М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управ-

ления («Братья Карич»), 1996. — 306 с

2. Демографическая модернизация России 1900–2000. / Под ред. А. Г. Вишневого. — М.: Новое издательство, 2005. — С. 41.

3. Захаров С. В. Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости. [Электронный ресурс] / Электронная версия бюллетеня «Население и Общество» «Демоскоп Weekly». — 2012. — №495–496. — Режим доступа: <http://demoscope.hse.ru/zaharov>, свободный. — Загл. с экрана.

4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011.

5. Колдуэлл Дж. Теория рождаемости: от высокого «плато» — к дестабилизации. / Пер. с англ. Н. В. Зверевой. [Электронный ресурс] / Demographia.ru. — Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=249#_Тoc126602708, свободный (13.05.12). — Загл. с экрана.

6. Макдональд П. Низкая рождаемость и государство: эффективность политики. [Электронный ресурс] / Электронная версия бюллетеня «Население и Общество» «Демоскоп Weekly». — 2007. — №285–286. — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0285/analit01.php>, свободный (24.04.2012). — Загл. с экрана.

7. Бек У. Общество риска. На пути к модерну. / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

8. Шульц Т. Ценность детей. // THESIS. — 1994. — №4. — С. 38.

9. Ядов В. А. Социология в России. — 2-е изд., перераб. и дополн. — М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.

10. Becker G. S., Lewis H. G. Interaction between Quantity and Quality of Children. [Электронный ресурс] / The National Bureau of Economic Research. — Режим доступа: <http://www.nber.org/chapters/c2963>, свободный. — Загл. с экрана.

11. Bongaarts J. A Framework for Analyzing the Proximate Determinants of Fertility. // Population and development review. — 1978. — Vol. 4, Iss. 1. — P. 106.

12. Bulatao R. A., Casterline J. B. Global fertility transition. // New York Population

Council. Population and development review. — 2001. — No. 27. — P. 116.

13. *Easterlin R. A.* An Economic Framework for Fertility Analysis. // *Studies in Family Planning*. — 1975. — Vol. 6, No. 3. — P. 54.

14. *Lesthaeghe R. J.* The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. // *New York Population Council. Population and development review*. — 2010. — Vol. 36., Iss. 2. — P. 246.

15. *Robinson W. C.* The Economic Theory of Fertility Over Three Decades. // *Population*

Studies. — 1997. — Vol. 51, No. 1. — P. 65.

16. *Lutz W., Skirbekk V., Testa M. R.* The Low-Fertility Trap Hypothesis: Forces that May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe. // *Vienna Yearbook of Population Research*. — 2006. — P. 168.

17. *McDonald P.* Gender equity, social institutions and the future of fertility. // *Women and Families: Evolution of the Status of Women as Factor and Consequence of Changes in Family Dynamics*. — Paris: CICRED, 1997. — P. 13.

Поступила в редакцию

24 октября 2014 г.

Розалия Таштимеровна Фахрисламова — аспирант Института демографии Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Rosalia Tashtimerovna Fakhrislamova — postgraduate student of the Institute of Demography, National Research University «Higher School of Economics».

143080, Московская обл., Одинцовский р-н, пос. ВНИИССОК, ул. Д. Давыдова, 1/428
1/428 D. Davidova st., 143080, VNISSOK com., Odintsovskiy dst., Moscow reg., Russia
Тел.: +7 (495) 772-95-90; e-mail: rfakhrislamova@gmail.com